

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 7-го Сентября 1908 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9481.

Графъ Л. Н. Толстой въ кругу своей семьи.

МУЧИТЕЛИ.

— Олечка... видишь ли, мамочка...

— Дураки!

Выругалась, хлопнула дверью и ушла въ кухню.

Отставной поручикъ Захудалинъ медленно выпрямился, покосился на дверь, потомъ на свои золотыя пуговицы и презрительно фыркнулъ.

— Тоже, подумаешь! — пробормоталъ онъ, стараясь придать своему лицу независимое и презрительное выражение.— Сама то не больно умна! Пф..

Онъ фыркалъ, хорохорился, но лицо его сохраняло выражение несчастное, испуганное, забитое, и придать себѣ гордую и воинственную осанку, не смотря на всѣ старанія, не удавалось: спина гнулась, а глаза испуганно косились на дверь.

Сгорбившись и стараясь ступить возможно мягче, Захудалинъ подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на дворъ, где все было такъ знакомо и давно надоѣло, гдѣ все напоминало о скучной, безцѣльной жизни, о старости...

Ему очень хотѣлось выпить рюмку водки, но онъ по опыту зналъ, что подступиться къ Олечкѣ, когда она разсержена—невозможно, а о томъ, чтобы пойти въ буфетъ безъ позволенія, было страшно даже подумать.

— Вѣдь, вотъ же,—думалъ онъ,—косясь на дверь, какъ будто Олечка могла подслушать его мысли,—боюсь, а почему, спрашивается? Я тружусь, работаю, слѣдовательно, и водка и все въ этой квартирѣ принадлежитъ мнѣ, а она почему-то все забрала и безъ позволенія я не могу чихнуть. Глупо!

Дѣйствительно, это было глупо, но фактъ оставался фактъ. Олечка, которая много лѣтъ назадъ обвражила Захудалина своею молодостью, красотой, веселостью,—постарѣла, стала полной, ворчливой дамой, придерчивой и злой, и мукамъ бѣднаго поручика не было конца.

— Добро бы еще была настоящая жена,—думалъ Захудалинъ,—а то, что такое? Такъ себѣ... даже стыдно подумать, что такое...

— Мой другъ, мой нѣжный другъ... заоралъ кто-то басомъ въ верхнемъ этажѣ.

Мучимый жаждой выпить, точно угрызеніями совѣсти, Захудалинъ метнулся въ сторону и рѣшился. Сгорбившись, съ заискивающей улыбкой, колеблющеся походкой, онъ добрался до кухни, просунулъ голову въ дверь и просящимъ, робкимъ голосомъ сказалъ:

— Олечка, ты не сердишься?

Послѣдовало довольно продолжительное молчаніе, прерываемое вздохами Олечки.

— Ты не сердишься? а? Олечка?..

Олечка молчала и ея красное и жирное лицо выражало кротость и терпѣніе.

— Я... я бы, мамочка, хотѣлъ того, этого самаго... рюмочку...—самъ удивляясь своей смѣлости забормоталъ Захудалинъ,—рюмочку?.. Ты не беспокойся, я самъ, я самъ... А? мамуся! можно единственную?

Олечка вскочила.

— Иродъ! взвигнула она и пустила ключами въ стѣнку.—Мучитель! Кровопийца! Бери все, бери ключи! Гони изъ дому! Грабь! Растречивай добро! Аспидъ!

Захудалинъ осторожно, точно боясь, чтобы его кто не пихнулъ сзади колѣн-

кой, подобрал ключи, положил ихъ около Олечки и шмыгнула изъ кухни.

Потомъ, стоя у окна, онъ смотрѣлъ на дворъ, на небо, гдѣ бѣжали свободныя, такія бѣлыя, такія легкія облака, облака, которымъ не было никакого дѣла до Олечки, до водки и вообще до всего земного,—и думалъ.

Напротивъ была "мастерская дамскихъ нарядовъ", и у оконъ въ третьемъ этажѣ съ ранняго утра и до поздней ночи виднѣлись дѣвичьи головки и слышались молодые звонкіе голоса.

Поручику очень хотѣлось посмотреть туда, но онъ боялся: а вдругъ, какъ увидитъ дворникъ, да скажетъ Матренъ, а Матренъ—Олечкѣ, а Олечка...—Нѣтъ, лучше не смотрѣть!

Вотъ внизу прошелъ студентъ, что живеть въ пятомъ этажѣ, у прачки,—въ старенькой тужуркѣ и полинявшій фуражкѣ, и по его худому, изнуренному лицу было видно, какъ трудно ему пробиваться.

— Это ничего!—думалъ Захудалинъ,—пусть трудно, но онъ молодъ и свободенъ, а это главное. Да, главное! Потомъ—у него впереди цѣлая жизнь... Да..

Вечернюю тишину вдругъ прорѣзались какой-то рѣзкій, непріятный звукъ. Это на улицѣ мастеровые играли на гармоникѣ. Гармоника визжала, ссылаясь такъ нахально, такъ дерзко, вызывающе, по томъ вдругъ всхлипнула и заплакала жалобно, со стономъ и въ этихъ стонахъ было столько ужасной, безысходной тоски, столько страданія! и, слушая ихъ, хотѣлось плакать...

Захудалину вдругъ страстно захотѣлось вонъ изъ дома, на воздухъ, подальше отъ душныхъ стѣнъ, отъ Олечки, отъ рабства... Онъ полумалъ, что хорошо бы пойти теперь на улицу, въ трактиръ, напиться тамъ и потомъ ходить по улицамъ вмѣстѣ съ мастеровыми, играть на гармоникѣ жалобныя пѣсни и пѣть.

Отъ этихъ мыслей ему мучительно захотѣлось водки, до того захотѣлось, что даже засосало подъ ложечкой и непріятно защекотало въ горлѣ.

А гармоника плакала, визжала, насыпалась надъ страданіемъ, захлебывалась... И почему то Захудалину смутно вспомнилось, какъ онъ юнкеромъ гулялъ на да чѣ въ паркѣ съ барышней. Барышня была пустынная, сентиментальная. Она, какъ бы нечаянно касалась его руки и, глядя на небо, говорила мечтательно:

— Ахъ, какъ бы я хотѣла полетѣть къ этимъ звѣздамъ!..

И это воспоминаніе наполнило душу поручика умиленіемъ.

Онъ подумалъ, какъ хорошо было бы теперь бросить Олечку, забыть все, что окружаетъ его, расплатиться съ долгами и начать какую-нибудь новую жизнь, хорошую, достойную человека.

Стоя у скна, онъ мечталъ...
Въ кухнѣ посыпались тарелки: одна, другая, третья...

— Ироды! взвизгнула Олечка,—мучители! Нѣту на васъ погибели! Аспиды!

Захудалинъ вздрогнулъ и очнулся. Онъ вспомнилъ, что ему 37 лѣтъ, что онъ обрюзглый, больной, слабый человѣкъ, пьяница, что надо платить долги, что жалованье забрано впередъ, что Олечка мучаетъ его и будетъ мучить, вѣроятно, до смерти... Онъ вспомнилъ это и мечты улетѣли вслѣдъ за всѣми людскими мечтами, и сдѣлалось горько, такъ горько, что даже на минуту исчезла мысль о водкѣ.

Турханъ-паша,
новый турецкий посолъ при Россійскомъ дворѣ.

Эни-Энь-Доулэз,
бывшій губернаторъ Харосеана въ Персии.

— Пропала жизнь!—съ тоской подумалъ онъ, отходя отъ окна.—Пропала!

— Мой голосъ для тебя и ласковый и томный!.. ревѣлъ бѣсъ въ пятомъ этажѣ.

— Ироды! Мучители! Аспиды!—визжала Олечка.—Нѣту на васъ погибели! Кровопрѣчи несчастные!..

А на улицѣ захлебывалась гармоника.
Н. Александровичъ.

ПОРТРЕТЪ.

Джеромъ К. Джерома.
(Съ англійскаго).

Мнѣ необходимо было засѣсть за работу, но, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, чѣмъ настойчивѣе становилась потребность, тѣмъ сильнѣе меня одолѣвало лѣнѣ. Къ тому же шумъ города, пробивавшійся чрезъ всѣ скважины моей квартиры, отнюдь не способствовалъ усидчивой работе.

Въ виду всего этого, я рѣшилъ привести нѣсколько лѣтніхъ нелѣвъ въ одной изъ глухихъ деревень, находящихся за чертой царства дыма, копоти и шума.

Кучерь, привезшій меня въ омнибусъ, въ которомъ я былъ единственнымъ пассажиромъ, рекомендовалъ мнѣ поселиться въ домѣ нѣкоею мистриссъ Чалмондли, вдовы, живущей со своей единственной дочерью въ чистенькѣй, бѣломъ домикѣ, на окраинѣ деревни.

— Вотъ отсюда видѣнъ этотъ домъ,—указаль онъ мнѣ кнутомъ,—пріѣзжѣ туда не заглядываютъ, такъ что свободная комната, навѣро, найдется.

Небольшой домикъ, утопавшій въ зелени, пришелся мнѣ очень по вкусу. Подходя къ нему, я расчитывалъ встрѣтить полную, веселую женщину, съ румянной, свѣжей дѣвушкой, съ загорѣвшими руками.

Комната, въ которую я вошелъ, была убрано мило, съ большими вкусомъ, что пріятно удивило меня, зато въ хозяїнѣ я разочаровался. Вмѣсто суетливої, красивой хозяйки, я увидѣлъ очень немолодую, съ воспаленными глазами, женщину, которая цѣлый день дремала въ большомъ креслѣ и грѣла сязбію руки около печки. Точно также разочаровалась я, увидя, что doch старухи тоже пожилая женщина, лѣтъ сорока, съ острыми, рѣзкими чертами и утомленнымъ лицомъ. Должно быть, было время, когда эти глаза весело блестѣли, а эти губы игриво улыбались; но это было давно, теперь передъ мною стояла неинтересная, худая и досмѣшного застѣнчивая женщина.

Все оставленное въ домѣ мнѣ понравилось, кромѣ того, меня превлекалъ красивый видъ на долину, поэтому я рѣшилъ поселиться здѣсь и сейчасъ же приняться за работу.

Въ дальнемъ углу комнаты стоялъ большой книжныи шкафъ, остановившій на себѣ мое внимание. Я подошелъ къ нему и принялся разматывать стоявшія въ немъ книги. Это была прекрасная библиотека, видимо, старательно подобранная нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Ни одного нсваго слова здѣсь не было. На верхней полкѣ я замѣтилъ томикъ Китса. Поднявшись на цыпочкахъ, я попробовалъ было вытащить его оттуда, но онъ былъ такъ крѣпко скѣтъ остальными книгами, что вмѣстѣ съ нимъ повалилась вся верхняя полка, обдавъ меня цѣлымъ облакомъ пыли. Тутъ же со звономъ упалъ къ моимъ ногамъ небольшой портретъ въ рамѣ изъ чернаго дерева.

И поднялъ его, поднесъ къ окну и принялся съ любопытствомъ разматывать.

— Пропала жизнь!—съ тоской подумалъ онъ, отходя отъ окна.—Пропала!

— Мой голосъ для тебя и ласковый и томный!.. ревѣлъ бѣсъ въ пятомъ этажѣ.

— Ироды! Мучители! Аспиды!—визжала Олечка.—Нѣту на васъ погибели! Кровопрѣчи несчастные!..

А на улицѣ захлебывалась гармоника.
Н. Александровичъ.

Ческой правильностью; нѣтъ, это было простое, красивое лицо, въ мягкихъ, глубокихъ глазахъ котораго свѣтилась душа. По мѣрѣ того, какъ я смотрѣлъ на портретъ, мнѣ казалось, что милая губки ласково улыбаются, и что въ этой улыбкѣ проглядываетъ тайная грусть. Хоть я и не былъ знатокомъ живописи, однако, понялъ, что работа была замѣтная, и потому крайне удивлялся тому, что эта портретъ, имѣющій большую цену даже, какъ простое украшеніе, валился въ всѣмъ забытый въ шкафу.

Пришло положить портретъ на мѣсто и сѣсть за работу; день догоралъ, а работа не клеилась, такъ какъ въ моемъ воображеніи все время носилось лицо портрета и ни за что не покидало меня. Куда бы я ни поворачивался, оно отовсюду смотрѣло на меня.

На слѣдующій день я долго боролся съ искушеніемъ снова взглянуть на портретъ, но лишь только зажгли лампу, я снова подошелъ къ шкафу и вынуль его.

Такъ прошло нѣсколько дней.

Однажды, роясь въ той же старой библіотекѣ, я нашелъ въ одномъ изъ ящиковъ, подъ кучей изорваныхъ и истрепанныхъ книгъ, старый дневникъ, набитый письмами и засушеными цветами.

Манифестація вримянъ въ Смирнѣ

во время празднествъ при объявлении турецкой конституціи.

Качели и колодезь.
Вмѣсто того, чтобы качать воду рукояткой, поршень приводится въ движение устроеннымъ наверху качелями.

что заключалось въ пакетѣ, но открыла его только тогда, когда осталась одна въ комнатѣ. Это былъ мой собственный портретъ: онъ рисовалъ его по секрету отъ меня. Какъ онъ хороши! Неужели же я, действительно, такъ красива, какъ онъ изобразилъ меня на полотнѣ? Но почему онъ изобразилъ меня такой грустной?

Ему необходимо было уѣхать, и я очень рада, что ему удалось привести въ исполненіе столь трудное намѣреніе. У насъ въ провинціи онъ ничему бы не научился, а теперь онъ имѣть возможность побывать въ Римѣ, въ Парижѣ и сдѣлаться великимъ человѣкомъ. Даже здѣшніе профани—и тѣ понимаютъ, что у него большой талантъ.

Но когда же, когда же я снова увижу тебя, моя радость, моя любовь?..

Всѣ его письма были такъ же нѣжны и восторженны. Но читая ихъ послѣдовательно одно за другимъ, я замѣтила, что они мало-по-малу становились холоднѣе и рѣже, и вмѣстѣ съ тѣмъ, строки дневника становились тоже грустнѣе, въ нихъ проскальзываютъ страхъ, еще не выраженный ясно словами, но уже чувствовавшійся.

Марта, 12-го дня. Прошло шесть недѣль, а отъ Христ. нѣтъ никакихъ извѣстій. Я знаю, что онъ страшно занятъ, и потому съ моей стороны слишкомъ эгоистично требовать отъ него частыхъ писемъ. Я же готова просиживать ночи напролетъ, лишь бы писать ему. Должно быть, мужчины не такъ созданы, какъ мы"...

Дѣйствительно, самая обыкновенная шаблонная исторія.

Послѣдующія письма были, видимо, еще менѣе удовлетворительны и еще болѣе рѣдки, потому что въ дневникѣ все яснѣе и яснѣе проглядывали тоска и печаль.

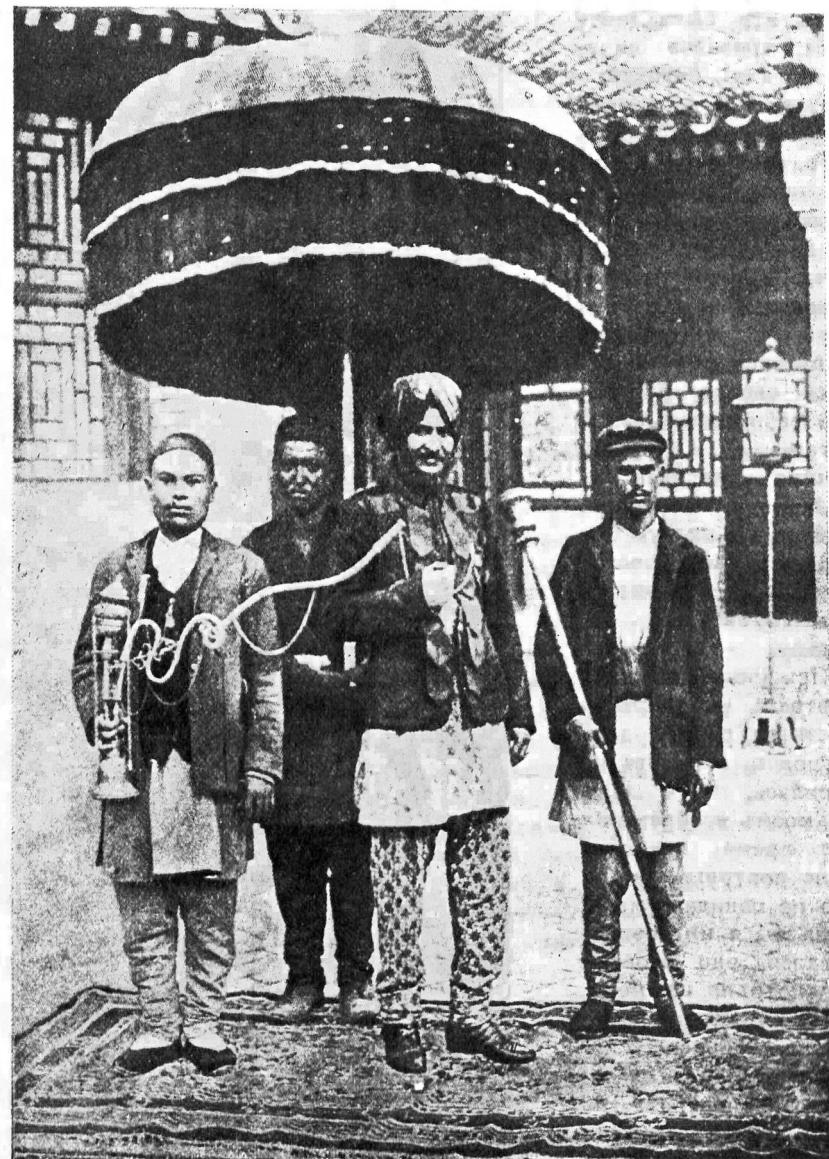
Затѣмъ я прочель слѣдующую замѣтку, написанную очень твердымъ и стetchивымъ перомъ, спустя два года послѣ ихъ разлуки:

"Теперь все прошло. Какъ я рада, что эта комедія кончилась. Отказъ посланъ, я написала ему, что болѣе не люблю его, что для насъ будѣтъ удобнѣе, если мы дадимъ другъ другу свободу. Вѣдь, такъ гораздо лучше. Я знаю, что ему очень тяжело сказать мнѣ правду. Теперь онъ можетъ съ чистой совѣстью жениться на ней, а что перенесла я—ему никогда не узнать. Должно быть, она лучше меня; надѣюсь, что

Барнабэ-Ресски.

Баритонъ Миланскаго театра La Scala. По поводу концерта его 6-го сентября, въ заль Общественной библиотеки.

Багадуръ.

посланник напальского магараджи, и его три служителя въ Пекинѣ.

онъ будетъ счастливъ съ нею. Я, со своей стороны, сдѣлала все, что могла.

Пропущено нѣсколько строкъ, а по-тому написано, какъ будто второпяхъ:

„Зачѣмъ же я буду себя обманывать? Я ее ненавижу! Я узвѣрена, что она сдѣлаетъ его несчастнымъ, что онъ возненавидитъ ее, какъ и я теперь ненавижу! Зачѣмъ я послушала ихъ и послала ему это фальшивое письмо? Онъ непремѣнно покажетъ его ей; она, какъ женщина, пойметъ, что я написала неправду и станетъ надо мною смѣяться. Я знаю, онъ благороденъ. Стоило мнѣ только напомнить объ его обѣщаніи, данномъ мнѣ передъ отъездомъ, и онъ никогда бы не бросилъ меня.

„Какое мнѣ дѣло до гордости, чести? Я люблю его, и только онъ одинъ мнѣ нуженъ! Я готова пойти на преступленіе ради обладанія имъ. Я отказалась ему только потому, что мнѣ понравилась роль его спасительницы. Но это гнусная ложь! Я не могу жить безъ него!“

И вотъ конецъ этой борьбы:

„О, Боже праведный, помоги мнѣ съ честью перенести это, помоги мнѣ забыть его!“

Этими словами заканчивался дневникъ. Послѣ этого я пересмотрѣла всѣ письма, лежащія между страницами дневника. Всѣ они были подписаны просто „Христофъ“ или „Христофоръ“, но подъ однимъ изъ нихъ значилась фамилія. Прочитавъ ее, я сейчасъ же вспомнилъ знаменитаго человѣка, руку котораго самъ часто пожималъ. Я подумалъ о его красавицѣ женѣ, съ холоіными, жестокими чертами лица, о его большомъ, мрачномъ Кенсингтонскомъ домѣ, напоминавшемъ скорѣе музей, чѣмъ жилое помѣщеніе, всегда переполненномъ веселымъ, оживленнымъ обществомъ, среди котораго онъ самъ казался непрошеннымъ гостемъ; я вспомнилъ также о его утомленномъ лицѣ и всегда ядовитой и горькой рѣчи. При этихъ воспоминаніяхъ передъ мною вдругъ предстало пріятное, грустное лицо женскаго портрета, и глаза мои какъ будто встрѣтились съ ея улыбающимися глазами. Тутъ я не выдержалъ и опять вынула портретъ изъ шкафа.

— Чго-жъ,—подумалъ я,—въ этомъ нѣтъ ничего дурного, если я узнаю ея имя.

Въ это время вошла хозяйка и застала меня съ портретомъ въ рукахъ.

— Простите, — сказалъ я,—онъ выпалъ изъ шкафа, когда я доставалъ оттуда книги. Я гдѣ-то встрѣчался съ этой особой, но никакъ не могу припомнить, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ. Не знаете ли вы, кто это? Я думаю, это кто-нибудь изъ вашихъ жилицъ забылъ здесь этотъ портретъ.

Хозяйка взяла изъ моихъ рукъ портретъ, и мягкая краска покрыла ея измятое лицо.

— А мнѣ и въ голову никогда не приходило поискать его здѣсь,—отвѣтила она,—это мой портретъ, нарисованный много лѣтъ тому назадъ однимъ моимъ знакомымъ.

Я посмотрѣла на портретъ, потомъ на хозяйку. Она стояла въ тѣни, а на лицо ея падалъ светъ отъ лампы; тутъ только впервые я хорошоѣко всмотрѣлся въ него.

— Дѣйствительно,—сказалъ я,—какъ я недогадливи: я только теперь замѣтилъ поразительное сходство съ вами.